

УДК 264-941
ББК 86.37
В78

Вострышев, Михаил Иванович.
В78 Светлая Пасха : семейное чтение / Михаил Вострышев. —
Москва : Алгоритм, 2016. — 304 с. : ил. — (Книга-праздник).

ISBN 978-5-906842-18-3

В миг Светлого Христова Воскресения мир рождается заново, искупленный и освященный нашим Спасителем. Все было бы тщетным без этого события, и сама вера была бы бессмысленной. Но Христос воскрес, и с этого момента каждое мгновение нашей жизни обретает новое значение, наполняя сердца безмерной радостью.

Пасха – самый древний христианский праздник, имеющий богатейшую историю. Проследить ее и еще раз подивиться чудесным евангельским событиям поможет эта книга. Узнаете вы из нее и о символике и смысле пасхальных обрядов, о старинных и современных обычаях празднования Пасхи.

УДК 264-941
ББК 86.37

ISBN 978-5-906842-18-3

© М. Вострышев, 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КНИГА-ПРАЗДНИК

Вострышев Михаил Иванович

**СВЕТЛАЯ ПАСХА
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ**

Редактор *Е. Мигунова*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.01.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96 + вкл.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-18-3

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ПОСТУ

Неделя о мытаре и фарисее. Седмица сплошная	8
Неделя о блудном сыне. Седмица пестрая	22
Вселенская родительская (мясопустная) суббота	34
Неделя мясопустная, о Страшном Суде. Седмица сырная (масляная)	41
Суббота сырная. Память всех преподобных отцов, в подвиге просиявших	56
Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания. Прощеное воскресенье	60

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Первая седмица	68
Неделя первая святого поста. Торжество Православия . . .	70
Вторая седмица	76
Неделя вторая святого поста. Память святителя Григория Паламы	77
Третья седмица	86
Неделя третья святого поста. Поклонение Честному и Животворящему Кресту Господню	87
Седмица четвертая	93
Неделя четвертая святого поста. Память преподобного Иоанна Лествичника	94
Седмица пятая	121
Неделя пятая святого поста. Память преподобной Марии Египетской	121
Седмица шестая (седмица ваий, или Цветоносная)	140
Неделя ваий (цветоносная). Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье)	142

Страстная седмица	149
Великий понедельник	151
Великий вторник	152
Великая среда	152
Великий четверг	153
Великая пятница	154
Великая суббота	157

СВЯТАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА

Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Светлая седмица	172
Праздничное богослужение	174
Пятница Светлой седмицы	182
Антипасха. Неделя апостола Фомы	193
Радоница. Вторник 2-й седмицы по Пасхе	198
Неделя святых жен-мироносиц и Иосифа праведного. Седмица 3-я по Пасхе	204
Неделя о расслабленном. Седмица 4-я по Пасхе	211
Преполовление Пятидесятницы	213
Неделя о самаряныне. Седмица 5-я по Пасхе	240
Неделя о слепом. Седмица 6-я по Пасхе	245
Вознесение Господне	264
Неделя святых отцов I Вселенского Собора. Седмица 7-я по Пасхе	271
День Святой Троицы. Пятидесятница	279
День Святого Духа	286
Неделя Всех святых. Седмица 1-я по Пятидесятнице	294
Неделя Всех святых, в земле Российской просиявших. Седмица 2-я по Пятидесятнице	300

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ПОСТУ

Приготовление к Великому посту начинается вскоре после праздника Богоявления Господня в память о том, что Сам Иисус Христос вскоре после Своего крещения удалился в пустыню для сорокадневного поста, в подражание которому и установлена святая Четыредесятница — сорок дней поста, за исключением Страстной недели.

Великий пост — это спасительное время всеобщего духовного очищения и освящения. Они возможны только при условии совершенного оставления греха, изменения образа жизни, духовного обновления и возрождения. Все это требует подвига продолжительного, тяжелого и упорного, к которому надо готовить и располагать себя постепенно. Кроме того, хотя решимость на такой подвиг и постоянство в нем и зависит от человека, но еще более от милосердия Божия возбуждается в сердце и совершается по Его благодати. Поэтому много и с усердием должно молиться, чтобы Господь отверз нам двери покаяния; сокрушил окаменение сердца нашего и возбудил скорбь о грехах, без которой не может быть истинного покаяния; воспламенил сердце наше любовью к Себе, без которой и самое искреннее раскаяние будет не прочно; оживотворил и воскресил дух наш упованием святым, без которого сердце кающегося было бы подавлено скорбью.

Церковь заранее готовит нас к вступлению во святые и спасительные дни поста и покаяния, стараясь удалить все, что препятствует принести нам истинное покаяние, стараясь научить, как стяжать себе дух умиления и сокрушения сердечного.

Приготавливая верующих к Великому посту, Церковь в своих богослужениях выступает как вождь, благовремен-

ным и мудрым словом ободряющий своих воинов перед сражением с врагом. Поэтому в подготовительных службах говорится обо всем том, что может расположить верующих к посту и покаянию. В своих священных воспоминаниях Церковь восходит к первым дням сотворения мира и человека, к блаженному состоянию прародителей и их падению, чтобы показать начало греха и побудить в человеке сокрушение о грехах, а также ко времени пришествия на землю Сына Божия для спасения человека, чтобы обратить нас к Богу.

В продолжение подготовительного времени Церковь приучает верующих к подвигу поста постепенным водворением воздержания. Вначале по уставу полагается сплошная седмица, когда позволено вкушать всякую пищу во все дни; На следующей седмице восстанавливается пост в среду и пятницу; затем и вовсе запрещается вкушать мясную пищу и дозволяется употреблять сырную.

Особые приготовления к Великому посту — древнее установление Церкви. Уже в IV веке святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский и другие составили свои беседы о днях, предшествующих посту.

НЕДЕЛЯ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ. СЕДМИЦА СПЛОШНАЯ

Первый подготовительный к Великому посту день (воскресенье за три недели до начала поста) посвящен евангельской притче о мытаре и фарисее, которая читается на Литургии. «Рече Господь притчу сию: человека два видоста в церковь помолитися: един фарисей, а другой мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко не смь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся двакрыты в субботу, десятину даю всего елико притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию

возвести на небо: но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется»¹.

Этим воскресным днем за десять недель до Пасхи начинается Постная Триодь².

Фарисеи составляли между иудеями древнюю и знаменитую секту. Они хвалились знанием и исполнением устного закона, который, по их словам, был дан Моисею вместе с письменным. Фарисеи отличались тщательным исполнением внешних обрядов и особенно крайним лицемерием: «Вся же дела своя творили, да видими будут человеки»³. Поэтому они были многими почитаемы как добродетельные и праведники и по своей внешней святости жизни считались отличными от прочих людей, что и означает фарисей. Мытари же, сборщики податей, совершали много видимых всем притеснений и неправд, а потому их порицали как грешников и неправедных.

Как перед началом брани обыкновенно вооружают и готовят воинов, возбуждая в них усердие и мужество, так и Русская Православная Церковь, приближаясь к Великому посту, готовится своих духовных воинов к наступающей духовной брани во дни святой Четырнадцатницы. Первым условием для добродетели считается покаяние и смирение, а главным источником греха и препятствием к добродетели — гордость. Церковь предлагает для нашего назидания притчу о мытаре и фарисее, которые оба молились Богу, но мытарь, смиренный сборщик податей, «сниде оправдан в дом свой паче» фарисея — гордого законника. Примером фарисея и мытаря Церковь внушает готовящимся к подвигам покаяния, т.е. сугубого поста, внешнего и внутреннего воздержания, усиленной молитвы, преобразования своей жизни, что исполнением

¹ Лк. 18, 10-14.

² *Триодь* — Трипеснец (*греч.*).

³ Мф. 23, 5.

закона и своею праведностью надмеваться и хвалиться не должно, надо при исполнении закона являть смирение перед Богом и ближними. Молитва, пост и другие добродетели святы и спасительны, но превозносящийся ими омрачает их и не приобретает оправдания ими, потому что он любит себя собою, пристрастно и несправедливо похищает себе похвалу, которую воздавать нашим трудам есть долг не служащих и трудящихся, но дело Бога. «Не хваляя бо себе сей искусен, но его же Бог восхваляет»¹.

Кроме пристрастия и несправедливости в превозношении заключается неведение и заблуждение. Кто любит себя и хвалится своими делами, тот не ведаёт или забывает, что мы своими силами без помощи Божией не в силах исполнить всего закона и, следовательно, сделаться правыми перед Богом, и само исполнение закона есть не заслуга, а только долг наш. Так гордость слагается из пристрастия к себе, неведения и заблуждения.

Ещё более страшным следствием фарисейства становится ненависть и осуждение тех, которые, в отличие от фарисеев, не угождают человекам. Потому они особенно яростно преследуют истинных служителей правды, истинных детей Божиих. Чудовищное лицемерие составляет характер фарисея.

Но благословенным и благонадежным орудием против гордости фарисейской служит мытарево смирение, или смиренномудрие, ничего высокого не приписывающее своим силам и подвигам. Такое смирение есть основание христианского благочестия и оправдания нашего перед Богом, потому что первый грех произошел от горделивого желания быть «яко бози ведяще доброе и лукавое»².

Желая возвыситься, человек пал. Чтобы восстать, необходимо смириться и взяться за помощь, Богом указуемую. Если безгрешный и совершеннейший первенец человечества пал из-за превозношения себя, сколь же опасно и

¹ 2 Кор. 10, 18.

² Быт. 3, 5.

несвойственно возноситься падшему! Для истинных подвигов христианского благочестия надо с внешними добрыми делами фарисея соединять внутреннее смирение мытаря — дела первого со смиренномудрием второго.

Если человек будет молиться, по примеру мытаря, с сокрушенным сердцем и духом смиренным, то удостоится великой милости: Господь отверзет и ему двери покаяния, введет его во святые и спасительные дни святой Четыредесятницы, поможет ему благодатью Своею принести истинное покаяние и получить полное прощение и помилование.

Чтением Апостола в этот воскресный день, который в богослужбной литературе называют Неделей о мытаре и фарисее, Церковь поучает нас терпению, какое особенно прилично подвижникам. Сообразно цели нашего приготовления к смиренным подвигам поста и покаяния в храмах начинают петь трогательные и поучительные тропари: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...», «На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми и в лености все житие мое иждих...», «Множества содеянных мною лютых, помышляя, окаянный, трепещу страшного дне судного...».

С понедельника начинается Седмица сплошная или всеядная, которая называется так потому, что во все дни этой недели Церковь разрешает вкушение скоромной пищи.

*Семейное чтение*¹

Во дни оны

1

Странное смятение царило на улицах Иерусалима. К городским воротам, толкая и давя друг друга, спешили толпы народа, кто как мог: на лошадях, мулах, колесни-

¹ Все дни приготовления к Великому посту и Великому поста — это воспоминание о крестных страданиях Христа, его смерти и воскресении. Поэтому подавляющее большинство текстов «Семейного чтения» посвящены этим евангельским событиям и преданиям, связанным с ними.

цах и пешком. Но землетрясение, как бы карая весь этот живой поток людей с обезумевшими лицами, преследовало их по пятам, настигало, сбивало с ног. Треск рассыпавшихся скал, удары грома и частые молнии, бороздившие небо, наполняли людей ужасом. Одни с криком били себя в грудь, другие падали на колени и простирали руки к небу, третьи — те, которых страх приковал к месту, — стояли остолбенелые, без мысли, с одним только смутным сознанием, что совершилось что-то страшное. Туземцы и чужестранцы, священники и миряне, нищие, саддукеи и фарисеи — все обратились в бегство.

Откуда бежали они? Что гнало их прочь, наполняя сердца страхом? Меч неприятеля не сверкал над головами бегущих. Но вдали, на красном фоне неба, как бы охваченного заревом пожара, на вершине круглого как череп холма, — сухого, пыльного и чуждого растительности, исключая кое-где торчащего иссопа, — виднелись три креста, высоко вознесшиеся над городом. Там за минуту до этого совершилась казнь: распятый на кресте, скончался Сын Марии.

Не один несчастный умирал на этом месте позорной смертью, не на одну мученическую смерть смотрела толпа и потом спокойно расходилась. Но сегодня, когда покрытый смертельной бледностью Иисус из Назарета опустил голову на грудь и испустил последний вздох, земля содрогнулась, и тьма окутала город. Облака, которые с утра клубились в небе, мгновенно скрыли солнце от глаз теснившейся здесь толпы. Отдаленные пригорки и скалы, холмы и горы, городские храмы, дворцы, башни, до сих пор освещенные ярким светом и утопавшие в ослепительном пурпуре, сразу угасли. Быстро меркнул свет. Зловещий медно-красный сумрак окутывал окрестность и с каждой минутой сгущался все более и более. Казалось, что кто-то невидимый сыпал сверху на грешную землю тяжелую, подавляющую темноту. Воздух становился невыно-

симо душным. Угрюмые, как ночь, тучи огромными клубами надвигались на народ.

Мрак окутывал тела, висящие на крестах. На темном дереве тело Распятого посреди окружающего мрака казалось сотканным из лучей света. Грудь Его волновалась тяжелым дыханием, но очи все еще были обращены к небу.

Из глубины туч послышался глухой рокот. Вдруг с неведомой силой проснулся гром и с оглушительным треском перекатился с востока на запад. Он то стихал, то вновь усиливался и, наконец, раздался такой сильный треск, что земля потряслась в своем основании.

Когда земля перестала дрожать и тьма на минуту рассеялась, когда огромные линии молний разорвали тучи и солнце, точно окунувшее свои лучи в море крови, бросило свой багровый свет на землю, на кресты и оружие воинов, встревоженная толпа народа дрогнула и бросилась в бегство.

То тут, то там раздавались тревожные голоса.

— Небо горит! — кричали одни.

— Воистину умер Сын Божий, — повторяли бледные губы палачей.

— Горе тебе, Иерусалим! — восклицали женщины.

Народ неудержимо бежал к стенам Иерусалима, обращая по временам полные ужаса глаза назад, туда, где на фоне раскаленного неба виднелся черный крест Иисуса...

— Нет... Нет... — шептал Арус, учитель саддукеев, слывший мудрецом, но не раз обличаемый Сыном Марии. — Не может быть. Могила не выпускает своих жертв. Твое царство кончилось, Иисус Назарянин!

И, расталкивая толпу, он быстрыми шагами направлялся к дому, весь поглощенный волновавшими его мыслями. Многие хотели подойти к нему с просьбой объяснить непонятные явления, сопровождавшие смерть Иисуса, но, видя его озабоченный вид и нервную походку, когда он пробирался по дороге, запруженной волновавшимся народом, они молча расступались перед ним.

Он шел скоро, и расстояние между ним и его домом, облитым теперь багряными лучами заходящего солнца, уменьшалось с поразительной быстротой. Но, странное дело! По мере того, как он приближался к дому, его лицо бледнело все более и более, глаза заволакивались туманом, походка становилась неувереннее, и правая рука все чаще и чаще прижималась к сердцу, конвульсивно сжимая складки широкой, свободно сидевшей на нем одежды. Приблизившись к дому, он на минуту остановился, но потом, собрав остаток сил, поспешно вошел внутрь и направился к комнате своей единственной дочери, красавицы Ассики, оставленной им на попечение прислужниц. На пороге он остановился. Быть может потому, что ноги вдруг отказали служить, или он опасался опять увидеть погруженную в скорбь дочь. И действительно, она все также была бледна и печальна и тихо стонала, распустив в беспорядке свои роскошные волосы. Отец зашатался, и слезы горести заволокли ему глаза.

Лишь только Ассика увидела отца, она подбежала к нему.

— Отец! — воскликнула она. Он умер!

— Кто? — хриплым стоном вырвалось из уст Аруса.

— Он... Он... Иисус, — прошептали губы девушки.

При этих словах бешенство овладело саддукеем, и лицо его исказилось.

— Кто посмел сказать тебе о Его смерти?! Кто?! — крикнул он, смотря не бледных и испуганных прислужниц дочери, словно от них желая узнать истину.

Наступила минута грозного молчания. Потом голос его прогремел:

— Я велел вам стеречь ее, как зеницу ока, и молчать! Я сам хотел известить ее о смерти Того, Кого в безумие своем она приняла за пророка. Горе вам, послушникам!

И, повернувшись к дверям, он крикнул:

— Плетей!

Но в ту же секунду Ассика бросилась к дверям и не позволила явившимся слугам прикоснуться к своим прислужницам.

Лицо Аруса побагровело от злости.

— Ты смеешь?! — прохрипел он.

— О, выслушай меня, отец, — с умоляющим видом припала она к отцу. Я все-все расскажу тебе, и ты увидишь, что они невинны. Они в точности исполнили твое приказание — стерегли меня и молчали. Я не понимала, что означает эта стража, для чего она окружает меня и молчит. Но безграничная тоска овладела всем существом моим, и я предчувствовала что-то страшное и вместе с тем великое. Я ничего, ничего не знала! Я не знала даже, что по улицам снуют толпы народа, куда-то спеша и перешептываясь друг с другом. Из окон своей комнаты, закрытых деревьями олив, я не могла ничего этого видеть. Все кругом безмолвствовало, всюду царила ужасная тишина. Долго ли это продолжалось — не знаю! Не то сон, не то забытые стали овладевать мною. Вдруг земля дрогнула, солнце погасло, спустилась тьма, и из груди моей вырвался крик. Не знаю, как это случилось, но я вдруг очутилась там, где на кресте умирал Сын Марии. На зловещем фоне туч я увидела лучезарное тело Его, слышала крик Его Матери, видела слезы Его учеников и тебя... Тебя, отец, уверяющего толпу, что царство Иисуса Назорея кончилось...

Молодая девушка затрепетала. Дрожь пробежала и по телу Аруса.

— Что это было: сон или явь?.. Не знаю, ничего не знаю! — продолжала Ассика. — Когда я открыла глаза, тьма рассеялась и на землю падали кровавые лучи солнца. Мои слуги лежали в беспамятстве, а передо мной стоял... Иисус таким, каким я видела Его во время воскресения Лазаря.

— Ложь... Ложь... — прошептал Арус. — Не может этого быть. Он умер на кресте. Там, на Голгофе. Перед тобою была лишь тень, призрак. Ты видела сон.

— За что, за что вы убили Его? — с тоской в голосе спросила Ассика.

Арус жестом удалил прислужниц и остался один с дочерью.

— Не потому ли, — вопрошала она, — что Он исцелял больных и страждущих, возвращал зрение слепым, воскрешал мертвых, обещая верующим жизнь вечную?

— Он — богохульник! — воскликнул Арус.

Ассика опустилаась на колени и припала к ногам отца.

— Нет, отец, — проговорила она. — Это был Сын Божий.

— Ты с ума сошла! — воскликнул Арус.

— Нет, отец. Ты видишь, что я в здравом уме.

Арус злобно захохотал.

— Бог, допускающий убить Себя!

— Да, для того, чтобы воскреснуть, и этой победой над смертью доказать Свое божественное могущество.

— Ты веришь этому, дитя?

— Он говорил это всем, у кого были уши слушать Его.

— Слово и дело — две вещи совершенно разные. И я могу сказать, что, коснувшись пальцем неба, свергну солнце на землю. Но сделаю ли это я?

— А если Он воскреснет, отец?

— Не безумствуй!

— Если Он воскреснет, ты уверуешь в Него?

— Не искушай глупым вопросом разум мудреца.

— Он воскреснет, отец, несмотря на твое неверие!

— Я выпрошу у Пилата стражу, чтобы Его не похитили из гроба. Мы сами будем сторожить Его, и ты пожалеешь о своем заблуждении, дитя мое.

— Только три дня, отец, только три дня. Тогда ты увидишь, кто из нас ошибался.

— Три дня, — повторил Арус. — Это три века ожидания.

2

Сумрак окутывал землю. С наступлением вечера все то, что сопровождало смерть Сына Марии, уходило куда-

то далеко-далеко и казалось лишь тяжелым сном, который никогда более не повторится. Страх толпы постепенно проходил, на улицах города воцарилось спокойствие, и все возвращались к своим обычным делам. Только в душе фарисеев с каждой уходящей минутой тревога возрастала все более и более. Мысль о том, что Распятый должен восстать из гроба, не давала им покоя. И теперь они ждали только одного, — чтобы эти три дня тяжелого ожидания прошли как можно скорее. Слабые и малодушные, они не верили в собственное торжество и боялись торжества Распятого.

Как и большая часть жителей Иерусалима, Арус ненавидел Иисуса. За что? Что мог кроткий Сын Марии, проповедовавший любовь и всепрощение, сделать ему? Ничего, что было бы достойно ненависти. Но Он нарушил Закон, Его возлюбили Ассика — и этого было достаточно. О том, что дочь увлеклась учением Христа, он узнал совершенно случайно, когда однажды начал хулить Его, а они с жаром и воодушевлением восстала на Его защиту. Да, она возлюбила Его, возлюбила восторженно, и каждая частица ее существа, каждый нерв бился и трепетал чистой любовью к Божественному Страдальцу. Ее душа рвалась к свету и правде, и в то время, когда старый мудрец углублялся в книги Писания, она, его единственная дочь, питала свое сердце живыми словами Христа. И когда Он с вдохновенным лицом говорил кротко и нежно с народом, ее душа отрывалась от земли и улетала в неведомый мир, полный чудных видений.

Однажды Арус встретил Ассику, слушавшую беседу Иисуса с народом. Он закипел гневом, но взгляд Сына Марии покорил его. Он никогда не мог забыть этого взгляда. В нем не было ни тени гнева, лишь величие покоя, перед которым он почувствовал себя бессильным.

Этого было довольно. Его ненависть увеличивалась со дня на день. Она увеличивалась еще и оттого, что его дочь открыто встала на сторону Иисуса и, несмотря на то, что